

Маре Жан

Галина Долматовская

ЕСЛИ в детстве тебе в руки попала книга сказок Шарля Перро с иллюстрациями Гюстава Доре, то на всю жизнь волшебный мир будет видеться таким, каким он открылся на гравюрах Доре. Жан Маре — словно бы экранная иллюстрация к литературным формулам добра, зла, любви. Однажды увидев на экране графа Монте-Кристо в прочтении Жана Маре, уже невозможно представить другим героя Дюма. Так же, как трудно отделаться от образа Рюи Блаза или его антипода Дона Сезара де Базана в достаточно далекой от Виктора Гюго экранизации его драмы. «Рюи Блаз» был придуман Жаном Кокто специально для Жана Маре. «Мне хотелось, — говорит Кокто, — сделать ковбойский фильм, фильм плаща и шпаги». С плащом и шпагой в этой послевоенной ленте, названной в нашем прокате «Опасное сходство», актер и появился впервые перед советским зрителем, будучи уже знаменитым во Франции. А все, что пришло из Франции, издавна почиталось в России. Первая Неделя французского кино в 1955-м — в едва ли не самые студеные времена «холодной войны» — обеспечила ночные оче-

реды Рей, Серджио Амедео, Александр Караганов), которое при мощном противостоянии идеологических кураторов со Старой площадью единодушно отдало Золотой приз фильму Федерико Феллини «Восемь с половиной».

Жану Маре тогда еще не исполнилось пятидесяти, и он был необычайно, по-античному красив, что дополнялось каким-то внутренним свечением. Он как будто стеснялся этой своей красоты — такое впечатление складывалось из-за сдержанности движений, словно он боялся резким жестом привлечь к себе внимание. Но тщетно — он был слишком заметен. Однажды во время фестиваля я увидела его в холле гостиницы «Москва», когда он, пробравшись с переводчицей сквозь толпу поклонниц, осаждающих подступы к «Москве», пытался сохранить свой небрежно элегантный вид при том, что на пиджаке его не осталось ни одной пуговицы — они были сметены на амулеты. Больше он к нам не приезжал.

На французских же Неделях 1965 и 1967 годов была показана очередная экранизация 32-томного «Фантомаса». Новый успех достался Фантомасу крепкого коммерческого режиссера Андре Юнебелля, превратившего его из фильма ужасов в бурлеск (до «Фантомаса» Маре снялся у него

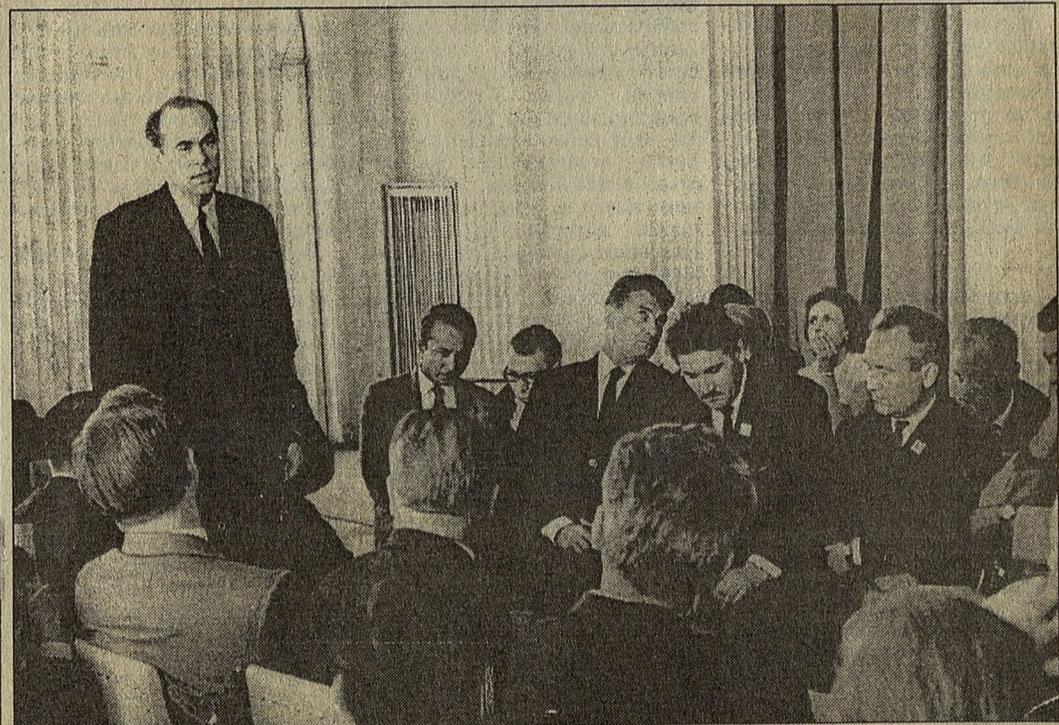
словных границ, потому что в репертуаре Маре оказались ленты и на всякий вкус, и на его отсутствие, чаще, чем у кого-либо, сопряженные с отечественной литературой, как высокой и так и ширпотребной.

Театр принес начинающему актеру встречу с великим Жаном Кокто, определившую его лучшие роли и на сцене, и на экране. Кокто же нашел в Жане Маре идеального выразителя своих художественных идей. В дни немецкой оккупации Жан Кокто предлагает режиссеру Жану Деланну современную версию старинной кельтской легенды о Тристане и Изольде. Название будущего фильма заимствовано из Ницше — «Вечное возвращение» и обещает философскую тему, белокурые (волосы Жана Маре и Маллен Солонь по идее Кокто перекрашены в одинаковый цвет, чтобы выдержать нордический стиль, за границей же это было воспринято как германское влияние) любовники, противостоящие дьявольской силе, переименованы в Патриса и Натали. В этой картине, легенде о любви и смерти — постоянной теме Кокто, — все совершенно, декорации Вакевича, съемки Юбера, костюмы Анненкова, музыка Жоржа Орика и главное — необыкновенная пластика Жана Маре. Фильм сделан в 1943-м,

К 85-летию Жана Маре

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ РОМАНТИКИ

Независимая газета. - 1998. - 10 мая - с. 7

Жан Маре среди других членов жюри Московского кинофестиваля. 1963 год.

ди за билетами в кинотеатры для всех последующих Недель, которые сошли на нет с утверждением нашего застоя. Тогда Жана Маре на посту главного романтического героя слегка потеснил молодой Жерар Филип. Естественно, его присутствие и приезд живого классика Рене Клера вывели на первый план «Большие маневры». Но, конечно же, Неделя не считалась бы французской, не будь в ней картины с участием Маре. Сплетение изящества и юмора предстало в скромной, милой и живой комедии Марка Аллегре «Жюльетта», где Жан Маре явился не в историческом одеянии, столь для него привычном. Этот фильм, далеко отстоящий от ролей актера в кинематографе Кокто и Деланна, с которых начиналась слава Маре, значится среди основных в фильмографии. Может быть, потому, что, несмотря на романтический флер, рыцарские допехи как бы просвечивают сквозь современную рубашку-апах, здесь герой Маре лишен той роковой многозначительности, которую тиражируют многие режиссеры — как посредственные, так и великие. Одни в угоду зрителям: «Зов судьбы» Жоржа Лакомба или «Полночные любовники» (в нашем прокате «Разбитые мечты») Роже Ришебе, снятые в том же, что и «Жюльетта», 1953 году, другие в угоду своей концепции — таков Жилец в «Белых ночах» Лукино Висконти.

Сам Жан Маре приехал в СССР впервые в 1961 году тоже с Неделями французского фильма, где были показаны две костюмные ленты — образцы проходной кинематографической продукции малозаметных режиссеров — «Капитан Фракасс» по Теофилю Готье и «Наполеон II, Орленок». Исторические фильмы составляют значительный пласт в работе актера, к которой он, кажется, относится как к игре, когда карнавалом, когда спортивной, не давая себе стареть. Это особенно заметно после 50-летнего рубежа. Маре, снимавшийся без дублеров, неизменно подтверждает свою великолепную форму.

В 1963 году он приехал на III Московский международный кинофестиваль. Жаль, что нынешнему поколению зрителей и критиков не повезло увидеть Московский фестиваль в пору его торжества. Жан Маре был членом того славного жюри (Григорий Чухрай, Стенли Крамер, Са-

в четырех лентах, не оставивших следа во французской кинематографии). Жан Маре играет Фантомаса и журналиста Фандора, подвергающего сомнению в своей газете саму идею существования Фантомаса. Потом в следующей серии «Фантомас разбушевался» еще и третью роль — профессора Лефевра. Актер проделывает эти превращения с присущей ему иронией, что как бы входит в условия игры и демонстрирует прекрасную каскадерскую выучку. С той Недели несколько поколений советских мальчишек играли в Фантомаса, испещряя стены домов его именем.

...Маре достаточно спокойно относился к своей внешности, приводившей в экстаз его почитателей. «Красота, которую мне приписывали, — заметил он годы спустя, — никогда не радовала и не огорчала меня. И все же она была частью моей удачи, которой я старался помочь. Если по пьесе нужно было быть красивым, я делал все, чтобы казаться таким, точно так же, как старался сделаться уродом, когда этого требовала роль». При том, что редкий кинорежиссер не хотел украсить свой фильм присутствием Маре, заметных ролей и фильмов у него едва ли наберется два десятка. Тогда как театр был почти всегда полем его побед. Так как мы не видели театральных работ актера, мы можем судить об отношениях Маре с театром только по его собственным признаниям или по отзывам знаменитых современников. И то и другое дают возможность полагать, что он был сыном театра и пасынком кинематографа. Кинематограф присвоил его себе из-за его редчайшей киногенности, но на его подлинных успехах в кино — хорошо это или плохо — почти всегда мелькает тень театра. Маре напишет о своем первом сценическом успехе: «С той поры настоящая радость входит в мою жизнь. Каждый вечер я шел в театр, как к любовнице. Я уходил оттуда, как уходит от нее — блаженства и исчерпав себя до дна». И далее: «Что такое для меня театр — религия или порок? Не сомневаюсь в одном: моя профессия — и это главное — дает возможность испытать ощущения, которых не приносит мне реальная жизнь». Театр сделал его звездой «Всего Парижа», то есть самой изысканной, взыскательной и капризной публики. Кино сделало его всеобщим любимцем, без со-

след за «Вечерними посетителями» Марселя Карне, где работал тот же оператор и тот же художник, что позволяло в ту пору говорить о некоем кинематографическом эзоповом языке, утверждении национального духа через идею победы Любви над Смертью. Сейчас, во всех случаях, очевидна победа «французского качества», каким отмечено почти все, к чему прикасается Кокто — соединяющий в себе поэта и художника, драматурга и режиссера, критика и прозаика. «Вечное возвращение» подготовило следующие написанные им сценарии для Жана Маре, поставленные уже самим Кокто. Детскую сказку мадам Лепрес де Бомон «Красавица и Чудовище» Кокто опять превращает в вечную легенду о Любви и Смерти. Режиссер говорил: «Этот сюжет примыкает к циклу, который я называю «великой французской мифологией». Я снимаю его для тех, кто еще сохранил детскую непосредственность, и для тех, несомненно, гораздо более многочисленных зрителей, которые устали от того, что называется реальной жизнью... Фильм предлагает каждому частицу чудесного». Носителем этой «великой французской мифологии» и самой частью ее и становится Жан Маре. «Я сделал из него Чудовище, которое вместо того, чтобы быть отвратительным, остается обольстительным», — писал Кокто.

Эта мифология точнее, чем где-либо, выражена в лучшем создании Маре и Кокто — «Орфей». «Орфей», где партнершей Маре стала Мария Казарес, критики предсказывали вечную экранную жизнь. Предсказание сбылось. Не знаю, отмечали ли бы мы так щедро 85-летие Жана Маре, если бы не потеряли его так недавно, для своих-то юбилейных не всякий раз находят телевизионное время, но чудо свершилось — мы второй раз за этот год увидим «Орфея». Фильм, который можно смотреть еще и еще, открывая в нем все новые для себя совершенства. Нам покажут в эти дни и «Графа Монте-Кристо», и «Фантомаса» с Жаном Маре, актером, дарящим романтику даже в самые неромантические времена. А маленький, едва ли не самый скромный городок в Нормандии — Шербур — теперь станет в ряд французских достопримечательностей — отсюда вышел последний рыцарь Романтики.